

ДРУГОЙ РАЗГОВОР

Я очень долго был уверен, что строки «Тятя! Тятя! наши сети притащили мертвеца!» написал Некрасов. Так и прожил с этим незнанием, нисколько из-за того не горюя, бог знает сколько лет. Действительное же знакомство со стихотворениями Николая Алексеевича произошло в пятом классе — в школе задали выучить отрывок из «Крестьянских детей». Вот тогда-то впервые осознанно и подумал: Некрасов. Ни много ни мало, так сказать. Был это год 2004-й или 2005-й. В школе еще учили (как теперь вижу), в маленькой провинциальной школе, вполне по-советски. Нередко по старым учебникам лохматых ныне брежневских годов. Их — книг, учебников — невероятное количество пылилось в шкафах. А в школьной библиотеке можно было найти красные толстенные книжки: «Рассказы о революции». Само собой, их никто не читал. Это, конечно, другой разговор, но — там же стояли белые четырехтомники Некрасова. Не одно, не два и не три собрания... Наша библиотекарь Роза Моисеевна, не любившая советскую власть (да и вообще любую власть), все советское, социально ориентированное и революционное, на Некрасова не покушалась. И вместе с Бунинным (сложно давался в школе), Чеховым (раз на раз) полку делили господин Чернышевский (странно, но вроде понятно) и товарищ Островский Н. (не менее странное и чересчур понятно). Вообще, популярностью пользовались Достоевский (мужик с топором, прикольно!), Булгаков (спасибо коту!) и — Набоков, ясно почему. Но это уже другой разговор.

Что касается Некрасова то он наряду с Пушкиным класса до девятого-десятого гремел на всех школьных праздниках, особенно на всяких днях и вечерах поэзии. И вот вспоминается мне тихое зимнее утро, комната десятиметровая; я хожу от кровати до балконной двери и обратно — учу «Русских женщин». Стихи эти учились легко. Легко учился и Пушкин. И потом — Есенин. Отчасти потому, что еще в детстве бабушка пела мне песни на стихи Сергея Александровича, не зная о том, кем они написаны. В серванте у бабушки лежали тетрадки, завернутые в клеенку. И вместе с, например, «Одинокой гармонью» и «Подмосковными вечерами» туда были вписаны и «Письмо к матери», и «Отговорила роща золотая», и...

Поэму «Русские женщины» я, впрочем, не выучил. Хотя как раз подходил очередной конкурс чтецов, и туда от класса делегировали меня. Я твердил, зубрил, гремел

на всю квартиру. Закончилось это тем, что стал я учить «Бородино». Но и тут успеха не достиг. В итоге на конкурсе выступил со стихотворением, которое отыскал в какой-то старенькой методичке для «учителя-словесника». Так там было написано.

«Школа, школа, ты не просто здание!» — это первая строчка. Первую строфу помню до сих пор:

Школа, школа, ты не просто здание!
Ты для нас всегда как дом родной!
Выполняем с радостью задания!
Утром ждем свидания с тобой!

Конкурс я выиграл. А когда учительница биологии, она же ведущая, спросила, кто написал такое прекрасное стихотворение, я, нимало не смутившись, ответил:

— Я!

Но о Некрасове забыл и не пытался его читать долго-долго. Даже не помню, чтобы он присутствовал в школьной программе, хотя наверняка там был. Беззаботно и безнекрасовски прошли десятый, одиннадцатый класс, первые два курса университета. Снова встретился я с Николаем Алексеевичем только в армии. Книжная полка в роте была скудна — советские, с явной идеологической направленностью романы о том, как прекрасно служить в вооруженных силах. Приключенческие повести о подвигах наших разведчиков в тылу. Сборник армейских песен. И все такое. Все такое. Бумаги в роте не хватало, потому книги использовались не по прямому назначению — так, что участь их была едина. А потом командир роты привез откуда-то новых книг: Стивен Кинг, Дарья Донцова, какие-то страшилки и, внезапно, — Астафьев и Некрасов. К Виктору Петровичу подбираться я не решился. Один мой товарищ, филолог по образованию и по призванию рэпер, на вопрос: «Хорошо ли пишет Астафьев?» — ответил: «Нормально». А я, к своему стыду, к двадцати годам и не слыхал о писателе Астафьеве. Рекомендации филолога мне не хватило. Вот Некрасова я полистал-полистал, да и поставил обратно на полку. К сожалению, в армии участь книг печальна и предпрешена нехваткой бумаги. Это так, на заметку, если вдруг это эссе прочитает министр обороны. Слишком громкоголосым показался мне Некрасов, совсем неутешающим. Спас в армии душу мою Есенин со своими пьяненькими, слезливыми, но все же чудесными стихотворениями. Но это другой разговор.

Что касается творчества Некрасова, то о нем очень хорошо написал Александр Семенович Кушнер. А если не он, то Юрий Викторович Казарин, например. Поэзию Некрасова поэзией называть сложно. Сколько там прозаизации, нарратива, риторики, дидактики etc. В том числе и поэтому для меня Некрасов рифмуется с Твардовским. И, пожалуй, до какой-то степени Александр Трифонович единственный из поэтов, кто смог полностью вплестись в некрасовскую традицию стихосложения. Но все же, все же, все же Твардовский пошел дальше. Вероятно, потому, что у него было знание, которое он приобрел страшной ценой — в трагические для нашей страны годы. Некрасову этого знания не хватило. И не дай бог его кому-нибудь.

Некрасов так и остался заявлять и греметь — прямо, в лоб, повторяя одно и то же, одно и то же. Отчего и смысл сказанного затерялся, стал обыденным, привычным и — надоедливым, конечно. Читая Твардовского, в одном из стихотворений памяти матери, доходишь до строк «и вдруг назовет телеграмма» — запрокидываешь голову и уже по памяти: «Для самой последней разлуки / Ту старую бабушку мамой». И не знаешь, как дальше с этим жить — до того трогают эти строчки, это стихотворение сердце и переворачивает душу. А ведь есть еще и «Перевозчик-водогребщик», «Я убит подо

Ржевом», «Я знаю, никакой моей вины...», «Две строчки» ...а вот у Некрасова я таких строк не нахожу. Но не было бы Некрасова — не было бы и Твардовского. Тот разговорный, не книжный «высокий», язык, который внес в русскую поэзию Иннокентий Анненский, — заслуга прежде всего Николая Алексеевича. И не будь Некрасова, кто знает какими путями пошла бы дальше русская поэзия.

В ноябре этого года я приезжал в Москву. Перед отъездом гулял полдня, хотел весь день, но перенасытился, перегрузился культурным богатством столицы. И уже не спеша, не фотографируя ни храмы, ни памятники писателям, под дождиком шел на автобус, который должен был увезти меня в Подмоскowie. И наткнулся на памятник Некрасову. А были у меня на пленке, пусть и цифровой, но все же — Лермонтов, Пушкин, Маяковский, Твардовский в шинели и плаще, Шолохов в лодке, Гоголь на Гоголевском бульваре, Рахманинов, похожий на Бунина... И вот Некрасов. Я постоял, постоял, посмотрел на Некрасова. И... но это уже другой разговор.

Александр ПЯТКОВ